

РОССИЯ БЕЗ НАС

АСТ
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	2	ХУДОЖНИК ВЕТЛИН	116
ДВОРЫ	4	ДВИЖЕНИЕ	134
Линейная перспектива. Андрей Уродов	6	Мимино. Марк Ивин	136
Навыки эмиграции. Андрей Уродов	28	Пребрага. Денис Касянчук	142
допустимая диктатура. Владимир Репман	40	Карточная система. Марк Ивин	148
Завтра март. Марк Ивин	50	ХЛАМ	150
Я родилась в 1993. Таня Климова	54	Не о политике. Марк Ивин	152
Мой брат Иисус. Марат Басыров	64	Большая посылка. Анна Репман	154
Девяностые. В поисках утраченного времени.. 68		С нами и без. Андрей Уродов	174
Ярбелав Солони		Мы взрослые люди. Анна Панькина	176
БРОДЯГИ	84	Островок. Федор Мельников	184
Серегга. Саша Гурьев	86	Неправильное время. Андрей Уродов	194
Мама. Таня Шальнева	94	СЕВЕР	198
Падалица (Пейзаж после). Владимир Репман, Мария Бессмертная	108	Из Сибири с любовью. Анастасия Павлова	200
Просьба покинуть вагоны. Марк Ивин	110	Конец каникул. Андрей Уродов	212
Об усталости. Марк Ивин	112	Без названия. Маша Черная	216
		АВТОРЫ	218

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пока мы делали эту книгу, нас постоянно спрашивали: а что это за странный такой формат – тексты на фотографиях? А чьи эти тексты и фотографии? Вы собираетесь перенести две группы Вконтакте и печатный журнал в книгу?! На все эти вопросы шли путанные объяснения, но они же запустили процесс формулирования, как философии книги, так и одного важного явления: когда сетевые проекты, чье главное свойство – интерактивность, становятся произведением искусства.

Современное искусство неотрывно связано с безумным темпом всевозможного развития в сети: когда сайт сам по себе инсталляция, когда журналы начинаются не первым номером с маленьким тиражом, а первым контентом сайта со странным дизайном. Появляются художники всех мастей, чьи идеи выстреливают как будто из ниоткуда.

Смутный автор нашей книги – это прослойка (весьма метафизическая) выросших подростков, которая живет в изолированном от современной российской культуры аквариуме. В этом аквариуме все как в книгах по культурологии: есть источники, из которых сформировалась эстетика, есть мысли, из которых выросли ноги символов, есть причины и следствия, есть цели, есть идейность персонажей, есть философия, и, конечно, есть узнаваемая атмосфера. Только она не похожа на то, что мы видим по телевизору каждый день, слышим в метро и читаем в глянце. Эти выросшие подростки не маргиналы, не фрики, не субкультура. Они мало чем отличаются от всего остального мира – на первый взгляд. Но мир, в котором текут их будни и уикенды доказывает, что параллельная реальность существует не только в научной фантастике.

Они осмысляют время, в котором протекло их детство, или, если не осмысляют, то пытаются вспомнить – как оно было, и что изменилось, и изменилось ли. Эти выросшие подростки не москвичи «из модных журналов». Они живут в России, а их Москва не такая как на открытках в сувенирных лавках.

Фотографии, собранные в этой книге – их глаза, а тексты, оседающие по углам – фон воспоминаний, обрывков мрачных будней, волнующие, тоскливые почтовые открытки из прошлого, которые едут вместе с нами домой в автобусах, в метро, в электричках.

Новое время – новые декорации. Впрочем, сущность воспоминаний не стирается и мало видоизменяется. Мы тоскуем по своим 80-м и 90-м в унисон нашим родителям, тоскующим по 70-м, в ритм дедушке, тоскующему по 50-м. Столько всего произошло за полвека, а общая картина тоски по родине – внутренней родине, той, о которой никогда не заговорят по телевизору и не покажут в кино – остается прежней.

«Россия без нас» во многом проект о тоске по этой ментальной, бессловесной родине, объединяющей нас с дедушками и бабушками, с престарелыми преподавателями, с родителями, с бродягами, которые иногда просят сигаретку и вместо «спасибо» начинают рассказывать истории в духе «Москва-Петушки», где события происходят в явно ином измерении. А ведь у нас с этими бродягами одна родина.

Только поколение «России без нас» еще не успело в полный голос рассказать, осмыслить и показать. Оно только разминается на старте, волнуется, гадает о том, кто придет к финишу, ждет выстрела, знаменующего начало гонки. Культурной гонки, ведь нам тоже, вслед за нашими кумирами и педагогами, родителями и соседями, предстоит запечатлеть, отпечатать и даже впечатать в мир ту Россию, в которой мы родились, выросли, и что-то пытаемся изменить. Но это поколение с безответной любовью к родине. Их аквариум культуры существует, но его нет.

Линна Репман

ДВОРЫ

ДВОРЫ

Андрей Уродов

Линейная перспектива

Я родился на окраине Москвы, там, где разрозненные высотки прижимались друг к другу, оставляя на проспектах проплешины для будущих парков и аллей. Зимой здесь пробирало до костей, как на Финском заливе, но до культурной столицы было также далеко, как до Марса.

Я еще ходил в школу, читал какие-то книжки по программе, но всегда через силу. А летом уезжал за город – на дачу. Наш дом стоял прямо около леса, и до ближайшего шоссе нужно было идти пешком минут десять. Мой дед в свое время не рассчитал, что

дорогу проложат именно так и выбрал тихое место у пруда, чтобы заложить фундамент. Через пару лет рабочие стали прокладывать проезд, и наш дом очутился на отшибе цивилизации.

ДВОРЫ

- Будешь сигарету? - спросил мой друг Коля. Он сидел, прислонившись к забору. От глаз взрослых нас закрывали заросли смородины.

- Нет, ты чего. У тебя же все зубы пожелтеют, - замялся я.

- Да брось ты, - Коля растянул рот и сверкнул своими белыми, кривыми клыками. Я с любопытством смотрел ему в пасть.

- Действительно, белые, - задумчиво сказал я, и пнул ногой дерматиновый мяч.

ДВОРЫ

Мы закурили. Нам было лет по двенадцать. Особого эффекта я не почувствовал. «Балканка» щипала горло, а мимо нас то и дело пронеслся черный от старости забор, рельсами ускользающий к дому.

- Что за фигня? - сказал я. Голова немного кружилась, но калитка уже вернулась на старое место, и даже не раскачивалась на гнилых столбах. Колю тоже немного мутило, но он старался этого не показывать.

На спор мы решили прокатиться на велосипедах по проезду. Мои друзья уже гоняли на своих ржавых «Аистах» в город, а меня с ними не отпускала мама. Да и вообще, я боялся доезжать до конца проезда – там была большая дорога, и вся дачная гармония куда-то сразу же исчезала под грохот грузовиков, несущихся на свалку.

ДВОРЫ

Мы закурили еще по одной. Коля уже умел делать кольца, щелкая по щеке грязным пальцем. А я сидел рядом и придурковато озирался по сторонам. Еще у нас был друг – Гриша – рыжий парень с огромной шевелюрой. Он не курил, поэтому мы часто просили его постоять на вершине песочницы: посмотреть, чтобы никто из взрослых не увидел дымок нашей «трубки мира». Гриша взбирался на трехметровую насыпь и сидел там, как идиот. Но сегодня Гриши не было.

– Что это вы там делаете? – раздался у меня за спиной голос дедушки. В эту минуту я пережил больше, чем Юрий Гагарин, карабкающийся на борт своего космического корабля.

– Ничего, мы петарды поджигаем, – ответил Коля.

«Что ты несешь?», – подумал я.
– «Какие, блин, петарды?» Я уже был готов к тому, что сейчас нам влетит, но дедушка только спросил: «Ртом?», а потом развернулся и ушел.